

РАЗЛОМЫ

ХРОНИКИ АРТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТОМ 1

НАЧАЛО ПУТИ

18+

Козинцев Эдуард
Разломы Хроники Арта.
Начало пути. Том 1
Серия «Разломы.
Хроники Арта.», книга 1

*<https://litres.ru/74245734>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Мир трещит по швам. Везде открываются разломы — порталы в иные измерения, из которых лезут монстры. Обычное оружие против них бесполезно. Нужны мечи, магия и капля духа.

Семнадцатилетний Артур — обычный школьник, пока однажды, спасаясь от хулиганов, не обнаруживает в себе способность замедлять время. С этого момента его жизнь меняется навсегда. Он попадает в гильдию охотников, находит верных друзей.

Содержание

НАЧАЛО ПУТИ	5
Эпилог	6
ГЛАВА 1	7
КАК Я НЕ СТАЛ ГЕРОЕМ	7
ГЛАВА 2	9
ПЕРВЫЙ ИМПУЛЬС	9
ГЛАВА 3.	12
ДОМ	12
Глава 4.	14
НОЧНЫЕ ПРОВЕРКИ	14
Глава 5	19
Я СХОЖУ С УМА?	19
ГЛАВА 6	23
СТАРИК	23
ГЛАВА 7	27
ПЕРВЫЙ РАЗЛОМ	27
ГЛАВА 8	29
МИР НАЧАЛ ТРЕЩАТЬ ПО ШВАМ	29
ГЛАВА 9	31
ПЕРВЫЙ РАЗЛОМ	31
ГЛАВА 10	38
НОВОСТИ, КОТОРЫЕ ПЕРЕВЕРНУЛИ ВСЁ	38
ГЛАВА 11	42

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ	42
ГЛАВА 12	46
БАБУШКА, ЛАВОЧКА И РАЗГОВОРЫ О БУДУЩЕМ	46
ГЛАВА 13	51
ТАНТО – КЛИНОК, КОТОРЫЙ ВЫБРАЛ МЕНЯ	51
ГЛАВА 14	58
ГИЛЬДИЯ	58
ГЛАВА 15	65
КАМЕНЬ ДУХА И ЖЕНЩИНА В ШАТРЕ	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Разломы Хроники Арта. Начало пути. Том 1

НАЧАЛО ПУТИ

Эпилог

Артур сидит на крыше своего старого дома. В руках у него телефон, в котором больше нет меня. Он смотрит на закат — тот самый, который он видел в первый раз, когда практически остановил время. Теперь он просто смотрит. И улыбается.

ГЛАВА 1

КАК Я НЕ СТАЛ ГЕРОЕМ

Меня зовут Артур. И я не герой. Если ждёте историю о том, как я спас мир, стал избранным или понял предназначение по щелчку пальцев — вы ошиблись. Просто мальчишка, который однажды переписал ответы на экзамен. И это чуть не стоило мне лица.

Началось всё в мае. Последние экзамены. Учился средне, отличником я никогда не был, но всегда умел находить способы не провалиться. В тот раз каким-то чудом раздобыл правильные ответы по математике. Откуда они взялись — понятия не имею. Кто-то скинул в общий чат, сохранил, и решил поделиться. Сначала с друзьями, потом с соседями по партам, потом — с почти всем классом. Глупо, знаю. Но тогда казалось, что делаю доброе дело.

Договорились просто: передаю ответы, все списывают, никто не палится. Разослал по личке, с именами, вариантами — всё расписал. Чувствовал себя почти важным.

Но случилось то, чего не я учёл. Кто-то из класса, получив ответы, решил подшутить и перемешал их у себя — а потом, не проверив, разослал другим. Цепная реакция. В итоге на экзамене половина класса списывала не те варианты. Кто-

то написал грязь, кто-то получил двойку, кто-то завалил и пошёл на пересдачу. Не знал об этом до самого звонка.

Когда объявили результаты, услышал своё имя — четыре с минусом. Выдохнул. Пронесло.

ГЛАВА 2

ПЕРВЫЙ ИМПУЛЬС

Домой возвращался через парк. Короткий путь, знакомый с детства. Солнце садилось, в воздухе витали запахи листьев и приближающегося лета. Мысли текли лениво: экзамены почти кончились, впереди каникулы, море, безделье — всё, что так любил. Чувствовал себя почти свободным.

Их не заметил сразу. А они меня — да.

Четверо вышли из-за поворота. я узнал их. Те самые, кто списал у меня и завалил. Никто не улыбался.

— Артур, — окликнул высокий, с чёрной цепью на шее.
— Ты, гад, подставил нас.

Начал объяснять. Не я перемешивал ответы, это кто-то другой, просто хотел как лучше. Они не слушали. Подходили ближе. Словами тут не отделаться — это стало понятно мгновенно.

— Ты сделал это нарочно, — сказал второй, тот, что сбoku. — Хотел поугарать над нами?

— Я? Вы серьёзно? Я сам чуть не завалил! — голос сорвался на крик. — Не виноват, что вы тупые и не проверили!

Ошибка. Не стоило называть их тупыми.

Самый здоровый — даже имени не помню, кажется Ва-

дим, мы никогда не общались — подошёл вплотную. Запах пота, омерзительное дыхание. Кулак занёсся над головой.

Никаких мыслей о силе или способностях. Просто желание, чтобы это не случилось. Чтобы он остановился. Чтобы всё прошло мимо. Выдохнул — так глубоко, как никогда в жизни.

Мир замедлился. Кулак поплыл в воздухе, как в густом киселе, едва заметно приближаясь к лицу. Видел каждую складку на коже, каждую грязь под ногтями. Листья падали так медленно, что казались неподвижными. Фонарный свет дрожал, растягиваясь в длинные полосы. Ни звука — ни ветра, ни машин, ни собственного дыхания. Только тишина. Плотная, почти вязкая.

Шагнул в сторону. Движения были быстрее их — в нормальном темпе, пока они еле шевелились. Обогнул всех четверых, как статуи в музее восковых фигур. Искажённые лица, сжатые кулаки, перекошенные рты. Посмотрел на того, кто почти ударил. Его кулак описывал пустую дугу в воздухе. Жалко. Страх исчез полностью. Он просто застывшая картинка. Мусор.

Отошёл на пару метров, сел на лавочку. Наблюдал, как они медленно пытаются понять, куда делся. Мир тягучий, как мёд. Он — единственный, кто двигался нормально.

Потом что-то сжалось в груди — и выдернуло обратно.

Снова стоял у забора. Кулак уже не летел в лицо. Сидел на лавочке в пяти метрах от них. Они оглядывались, не по-

нимая.

— Ты... как ты это сделал? — спросил здоровый.

Ничего не ответил. Встал и пошёл домой. Медленно, спокойно. Не оглядывался. Может, подумали, что глюки. Может, что просто быстрый.

Внутри пульсировало чёткое ощущение — не просто выжил. Победил. И никто никогда не узнает, как именно.

ГЛАВА 3.

ДОМ

Домой шёл медленно. Не потому что боялся — знал, что не догонят. Просто не мог понять, что, мать твою, только что произошло.

В голове прокручивалась каждая секунда: выдох, кулак, тишина, лавочка, возвращение. Это было не как в кино. Реально. Отдавалось в костях, в зубах, в кончиках пальцев.

У подъезда остановился. Постоял, глядя в небо. Солнце почти село, оставляя розовые разводы. Всё как обычно. Будто ничего не случилось. Мысль кольнула: «Может, просто сошёл с ума? Стресс? Никогда не дрался, под ударом не стоял. Мозг включил защиту — и показалось».

Но знал — не показалось. Руки дрожали, когда доставал ключи.

Подъезд, третий этаж, дверь. Запах пирожков ударил в лицо. С кухни голос бабушки:

— Артур! Ты что так долго? Думала, заблудился!

Рюкзак слетел с плеч. Кухня. Она стояла у плиты — маленькая, суетливая, в любимом цветастом фартуке. На столе уже ждали тарелки: суп, картошка с мясом, пирожки с капустой, компот. Всё как любил. Повернулась, улыбнулась —

глаза тёплые, немного усталые, но с тихой радостью.

— Ну что, сдал? — вытирала руки о фартук. — Как прошло? Переживала я, боже мой. Хотя что-то написал?

Смотрел на неё и не мог выдавить ни слова. Она стояла передо мной — живая, настоящая, в этом уюте, с этим столом. Комок подступил к горлу. На секунду.

— Нормально, ба, — голос не дрогнул, хотя стоило усилий. — На четвёрку вроде. Экзамены кончились.

— Слава богу, — выдохнула, потянулась обнимать. — Какой ты молодец! Знала, что справишься. Давай садись, всё накрыто, будешь у меня сытый!

Ложка в руке. Мысль — а ведь мог не прийти. Лежать в парке с разбитым носом. Или вообще не быть. Взгляд скользнул по бабушке, пирожкам, солнцу в окне. «Какая же я счастливая тварь».

Ел молча. Бабушка говорила об отдыхе, лете, даче. Кивал, улыбался. Внутри что-то переворачивалось. Правду сказать не мог. Как сказать: «Баб, я только что остановил время. Не на шутку. Меня чуть не избили, но я спасся. Стал... не знаю кем». Не поймёт. Или поймёт — тогда придётся врать. А врать ей не хотел.

Доел, поблагодарил, поцеловал в щёку. Комната, дверь закрылась, кровать, потолок. Мысли.

Глава 4.

НОЧНЫЕ ПРОВЕРКИ

Три ночи подряд не мог сомкнуть глаз. Не от страха — просто лежал, уставившись в потолок, прокручивая тот момент в парке снова и снова. Кулак, застывший в воздухе. Тишина, плотная, как вода. Собственные руки, двигавшиеся, пока всё вокруг замерло.

Шок был полный. Ещё неделю назад кто угодно мог сказать, что время можно замедлить — отправил бы подальше, назвал бредом из фильмов. Но теперь сам оказался этим бредом.

На четвёртую ночь терпение лопнуло. Решил проверить.

Час ночи. В доме тишина, бабушка дышит ровно за стеной. Встал, подошёл к окну. Пустая улица, фонари льют жёлтый свет, двор спит, даже собаки притихли. Закрыв глаза, вспомнил тот выдох в парке — не усилие, а отпускание. Выдохнул.

Мир замедлился.

Всё двигалось так медленно, что казалось застывшим. Свет в соседнем окне едва пульсировал, тени ползли по стене, как улитки, пыль в воздухе висела неподвижно, будто мелкие звёзды. Шаг к двери, скрип растянулся в низкий ба-

совитый гул. Коридор, комната бабушки. Она лежала на боку, дыхание едва заметное — живая, просто застывшая во сне. Несколько мгновений стоял над ней, ощущая странную смесь восторга, страха и нежности. Она даже не подозревала, что внук — грёбанный хрономаг.

Вернулся в комнату, сел на кровать. Время вернулось — тиканье часов, гул холодильника. Выдохнул.

— Могу это делать, — прошептал в темноту. — Реально могу.

С этого дня тренировки стали ритуалом.

Каждую ночь, около часа, вставал в центре комнаты. Не всегда получалось с первого раза. Иногда стоял по пять минут, сжимал кулаки, напрягался — бесполезно. Злость, ругань на себя, мысли о случайности. Но когда переставал стараться, просто выдыхал и говорил: «Ну и фиг с ним», — мир замедлялся. Лёгкое смещение, воздух густеет, всё плывёт, как в киселе.

Понял главное: сила не терпит принуждения. Она приходит, когда её приглашают.

Начал замерять время. Сначала удерживал замедление всего две секунды. Через неделю — три. Через две — четыре. Тренировки затягивали, как наркотик. Ждал ночи, чтобы снова оказаться в той тишине, где он — единственное живое существо.

Но обнаружилась и граница.

Пытался уйти дальше от стартовой точки. Сначала до туа-

лета, потом до кухни, потом в подъезд. Каждый раз, отходя метров на сто, в груди становилось тесно — как будто тянули назад. Тогда не знал, что это радиус способности. Думал просто: «Наверное, нельзя уходить слишком далеко. Моя зона».

Через месяц время замедлялось уже почти на пять секунд по ощущениям, радиус вырос до двухсот метров. Выходил на ночную улицу — до соседнего дома и обратно, пока мир оставался вязким. Кайфовал, но не использовал силу для чего-то серьёзного. Только для себя.

Гулял по улицам, где люди двигались как в замедленной съёмке. Разглядывал их лица — они даже не знали, что он проходит мимо. Заглядывал в витрины, трогал вывески. Однажды подошёл к девушке у фонаря, она улыбалась, глядя в телефон. Смотрел на неё, и вдруг стало грустно. Красивая, но никогда не узнает, что он стоял рядом в ту ночь. Видел её улыбку в мире без звука и ветра. Странное чувство — быть здесь, но как будто не существовать. Призрак, который сам себе зритель.

Домой, в кровать. И в ту ночь впервые подумал: «А что, если я не единственный?»

Через два месяца способность стала частью повседневности. Не для грандиозных целей — просто для мелочей. Забавно.

Замедлял время, чтобы переставить тапки в коридоре — бабушка думала, что сама их не туда поставила. Когда она

просила принести что-то из другой комнаты, успевал до того, как она договорит. Иногда просто выходил на балкон и смотрел на замедленный двор, разглядывая каждую деталь — будто мог остановить жизнь и рассмотреть под микроскопом.

Но были моменты и поопаснее.

Однажды в школьной столовой очередь растянулась на десять минут. Надоело. Выдох — мир замедлился. Вышел из очереди, взял тарелку с едой, вернулся на место. Время пошло, он стоял с тарелкой, очередь даже не заметила обмана. Просто увидели, что уже с едой. Чувствовал себя хитрым мудаком.

А потом пришла мысль: что, если захотеть чего-то большего? Деньги, чужие вещи, ответы на экзамены? В замедленном мире можно взять кошелёк, залезть в учительский стол. Никто не узнает, даже не заподозрит.

Мысль испугала.

Сила не делает добрым. Она даёт возможность. Что с ней делать — выбор. В тот момент решил: не использовать её во вред другим. Не брать чужое, не красть, не обманывать, не манипулировать. Потому что если начать — можно не остановиться. Первое правило. Клятва себе.

В середине лета заметил странность. Тогда не придавал значения, но теперь понимаю — первый звонок.

Возвращался домой около десяти, увидел мужчину у дерева напротив дома. Не курил, не говорил по телефону, не

ждал автобус. Просто стоял. Обычное лицо, лет сорок, серое пальто, короткая стрижка. Прошёл мимо, но что-то показалось не так. Обернулся — он не двигался. Смотрел в его сторону, но не на него — сквозь.

«Ну, бывает. Ждёт кого-то». Пошёл дальше.

На следующий день — снова. У магазина. Та же неподвижная поза, пустой взгляд. Замедлил шаг, вгляделся. На мочке уха заметил аккуратный шрам. Круглый, с узором — солнце внутри щита. «Странная татуировка. Или шрам».

Тогда не знал, что этот знак перевернёт жизнь. Но запомнил лицо, позу, шрам. Что-то в нём было не так. Чего-то не мог объяснить.

Потом он исчез. Не видел его до следующего года. Но знал — он был там. Смотрел на него. И не был обычным прохожим

Глава 5

Я СХОЖУ С УМА?

К семнадцати годам сомнений не осталось — могу замедлять время. Привык к этому как к странной особенности: что-то среднее между аллергией и умением шевелить ушами. Жизнь разделилась на две половины. Обычная — школа, друзья, редкие звонки родителей, которые не особо интересовались, что там у сына. И та, другая — где можно выдохнуть и оказаться в мире, который тянется, как старая видеозапись на замедленном воспроизведении.

Страх перед силой прошёл. Остался страх перед тем, что она может сделать со мной.

Лето после девятого класса ушло на эксперименты. Проверял границы — свои и мира. Выяснил, что предел способности — около пяти секунд. Попытки задержаться дольше заканчивались головокружением и чёрными точками перед глазами. Что будет, если переступить черту — не знал и проверять не хотел.

Но появилось кое-что другое. После каждого использования накатывало странное ощущение — будто кто-то наблюдает. Необъяснимо, но чувствовалось каждой клеткой. Словно в замедленном мире есть кто-то ещё. Кто-то, кто тоже

движется.

Проверить не мог. В замедлении был один — ни звука, ни движения. Но ощущение оставалось. Тень на границе зрения.

Списал на паранойю. Интернет полон бреда про экстрасенсов и избранных — начитался, вот и разыгралось воображение. Слишком много времени в тишине — начинаешь слышать то, чего нет.

Ошибался.

Весной, когда стукнуло семнадцать, мы гуляли с пацанами в парке. Заметил в тени деревьев мужчину. В сером пальто. Не тот, что в прошлом году, но похожий. Та же неподвижность, тот же пустой взгляд. Друзья не обратили внимания — шли дальше, смеялись, болтали.

Замедлил шаг.

— Артур, ты чё? — спросил один.

— Да так, идите, я позже догоню.

Они пошли. Выдохнул — мир замедлился. Поднял голову, посмотрел на мужика. Он тоже двигался едва заметно — как все остальные. Ничего особенного. Просто очередная фигура в тягучем мире.

Подбежал к нему, отпустил способность. Мир вернулся в норму.

— Ты кто? — спросил, хотя знал — не ответит.

Мурашки побежали по спине. Он стоял каменный. Хотел отойти, но что-то остановило. Заглянул в глаза — пустые.

Абсолютно пустые. Как у куклы.

Осознал — этот человек стоял не просто так. Он ждал меня.

Две вещи стали ясны. Первая: эти люди не случайность. Появляются рядом каждый раз, когда использую силу. Не говорят, не взаимодействуют, но всегда рядом. Как тени. Вторая: если они не люди — то кто? И что им надо?

Начал гуглить. Целыми ночами сидел в интернете, искал всё, что связано с аномальными способностями. Дешёвые статьи про экстрасенсов, форумы про временные петли, бред про иллюминатов. Иголка в стоге сена, вокруг только мусор.

Но однажды наткнулся на сайт. Старый, чёрный фон, зелёный текст — как из девяностых. Назывался «Хроники наблюдателей». Одна страница. Короткий текст:

«Существуют те, кто может влиять на время. Их способность не поддаётся логике, но поддаётся контролю. Они редки. Их ищут. Одни — чтобы уничтожить. Другие — чтобы сохранить. Если вы один из них — остерегайтесь людей со шрамами на ухе. Они не люди. Они — следствие.»

Мурашки побежали по спине. Перечитал раз десять — пытаюсь понять, рофл или правда. Слова «шрамы на мочке уха» били прямо в цель. Закрыл сайт, выключил компьютер, лёг на кровать. В ту ночь почти не спал.

Думал: «Если они не люди — то кто? И если они следствие — то следствие чего?»

Тогда не знал, что ответ — это я сам. Что стал причиной

их существования, сам того не зная. Способность оказалась не просто даром. Она была приглашением.

Через неделю увидел того мужика снова. Стоял у подъезда, когда возвращался из школы. Остановился в нескольких метрах, посмотрел на него. Он смотрел в сторону. В горле пересохло.

Подошёл ближе.

— Ты кто? — спросил.

Молчание. Просто смотрел, будто я часть стены. Выдохнул — мир практически замер. Подошёл вплотную, заглянул в лицо. Пустота. Протянул руку, коснулся плеча. Рубашка тёплая, как у живого, но не дышал. Не моргал. Статуя.

Отступил на шаг, посмотрел на ухо. Шрам на месте. Раздражение поднялось — будто провоцировал, сам ничего не делая.

— Хочешь что-то сказать? Следишь за мной — ты мудака, потому что я тебя вижу. И не боюсь.

Молчание. Злость разрасталась в груди. На него. На ситуацию. На себя.

Развернулся и пошёл домой. Дверь хлопнула, рюкзак слетел с плеч. Долго сидел на кухне, глядя в одну точку.

Тишина больше не принадлежала мне.

ГЛАВА 6

СТАРИК

Я не знаю, как он нашёл меня. Может, он просто ждал, когда я сам приду в то место. А может, он знал, где я буду, ещё до того, как я сам об этом узнал.

Это случилось в конце осени. Я шёл из школы, злой на весь мир, потому что у меня был хреновый день. Меня вызвали к доске по физике, я не подготовился, и учительница сказала при всем классе, что я «не тяну даже на троечника». Весь класс заржал. Я стоял у доски и чувствовал себя полным пнём, хотя знал, что материал я выучил, но просто перешагивал. Я хотел провалиться сквозь землю.

И я пошёл не домой, а в сторону леса.

Я всегда любил этот лес. Он начинался через пару кварталов от школы и тянулся километров на пять, до самой трассы. Я часто ходил туда, когда хотел побыть один. Там было тихо, пахло хвоей, и можно было сесть на пенёк и просто смотреть на небо.

В тот день я ушёл дальше, чем обычно. Мне нужно было выдохнуть. Буквально. Я думал, что если я использую способность, то мне станет легче. Я сделал глубокий вдох и выдохнул — но мир не замедлился. Ни хера. Я стоял и смотрел

рел на падающие листья, а они просто падали. Я попробовал снова — ничего. Я почувствовал, как страх подбирается к горлу.

«Что, если я больше не могу? Что, если способность ушла? Что, если это был просто сбой?»

Сел на корточки, закрыл лицо руками и просто сидел там, в лесу, чувствуя себя ничтожеством. И тут я услышал голос.

— Не пытайся. Ты устал. Усталость блокирует канал.

Я вскочил и обернулся. Позади меня стоял старик. Лет шестидесяти, с длинной седой бородой, в старом потёртом пальто. Он смотрел на меня спокойно, как будто ждал, когда я его замечу.

Я отшатнулся.

— Вы кто?

Он улыбнулся.

— Неважно. Ты — Артур. Я знаю, что ты можешь. И я знаю, что ты устал от этого.

Я замер. Сердце колотилось так, что я слышал его даже сквозь тишину леса.

— Откуда вы знаете? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы тоже... вы тоже такой?

Он покачал головой.

— Нет, Артур. Я не такой, как ты. Я просто тот, кто видел таких, как ты. И я знаю, что ты — не первый. И, боюсь, не последний.

Он подошёл ближе, сел на пенёк, и похлопал по месту ря-

дом. Я не знал, зачем, но сел. Я не чувствовал угрозы. Я чувствовал только странное доверие, которое не мог объяснить.

— Расскажу тебе одну историю, — начал он.

— Давно, когда я был молодым, я встретил человека, который обладал даром. Он был похож на тебя: молодой, напуганный, но сильный. Его звали Михаил. Мы с ним долго путешествовали вместе. Он рассказывал мне про свои способности, про то, как он тренируется, как боится. Я был его свидетелем. Я записывал всё, что он говорил. Он хотел, чтобы знания не исчезли.

— Что случилось с ним? — спросил я, хотя уже догадывался.

Старик помолчал.

— Его нашли те, кто не должен был найти. Люди со шрамами. Они забрали его. Я не знаю, где он сейчас. Я не знаю, жив ли он. Но я знаю одно: они ищут таких, как ты.

Я сидел, как в оцепенении.

— Что мне делать? — спросил я.

Старик посмотрел на меня долгим взглядом.

— Тренируйся. Не бойся.

Они не люди. Они — отголоски павших. Их кто-то создал. Он встал и протянул мне руку. Я пожал её.

— Удачи тебе, Артур. И запомни: ты — не один такой. Но ты должен научиться быть один.

Он развернулся и пошёл по тропинке. Я хотел что-то спросить, но слова застряли в горле. Я просто смотрел, как

он уходит, пока он не исчез за деревьями.

Сидел в лесу дотемна. Думал о том, что значит быть «таким». О том, что старик сказал про «павших» и про то, что они созданы кем-то. И о том, что я должен научиться быть один.

ГЛАВА 7

ПЕРВЫЙ РАЗЛОМ

Той осенью я узнал, что мир не просто тянется как мед с ложки в кружку чая, когда я выдыхаю. Он трескается.

После встречи со стариком я тренировался ещё упорнее. Я перестал бояться усталости, перестал жалеть себя. Я вставал в пять утра, выходил в лес, и замедлял время снова и снова, пока у меня не начинала кружиться голова и не темнело в глазах. Я знал: я должен стать сильнее. Потому что те, кто наблюдает за мной, не остановятся.

И однажды я перешёл черту.

Это было ранним утром, в ноябре. В лесу было тихо, пахло сырой землёй и прелыми листьями. Я выдохнул — мир замедлился, став вязким и тягучим. Но в этот раз я почувствовал что-то иное. Как будто воздух стал не просто густым, а **колючим**. Как будто вокруг меня что-то трещало, хотя я не слышал ни звука.

Я оглянулся. В пяти метрах от меня, между двух сосен, висела трещина. Она светилась бледно-голубым светом и медленно расширялась, как будто реальность разрывалась. Я подошёл ближе, и вдруг увидел, что из неё высовывается нечто — длинная, серая конечность с тремя пальцами, покрытыми

чешуёй.

Я отшатнулся. Сердце заколотилось так, что я чувствовал его в горле. Я не знал, что это, но я знал одно: это не должно было быть здесь.

Конечность двинулась в мою сторону, и я, не думая, вдохнул. Время вернулось — и трещина исчезла. Как будто её никогда и не было. Но я стоял и смотрел на то место, где она была, и у меня тряслись руки.

ГЛАВА 8

МИР НАЧАЛ ТРЕЩАТЬ ПО ШВАМ

Я думал, что разломы — это моя проблема. Что создаю их, когда пользуюсь своим даром слишком часто. Что это — моя личная ответственность, мой личный косяк, который я должен исправлять. Я ошибался. По-крупному, ошибался.

Всё началось с новостей.

Сначала я не придавал этому значения. По телевизору мелькнула заметка о том, что в каком-то городке в Сибири люди видели странное свечение над лесом. Через пару дней — ещё одна: в Аргентине пропала целая улица. Буквально исчезла на несколько часов, а потом вернулась, как ни в чём не бывало. Но люди, которые были на той улице, говорили, что видели "серых существ" с длинными конечностями. Я замер перед экраном.

— Это не может быть, — прошептал я. Но я знал, что может.

Через неделю новости уже не смолкали. В Европе, в Азии, в Штатах — везде появлялись странные зоны, где реальность истончалась. Люди видели разломы, из которых доносились звуки, каких не бывает в природе, и иногда вылезали твари. В интернете их называли "временными аномалиями", "пор-

талами", "червоточинами". Кто-то говорил, что это климатическое оружие. Кто-то — что это начало конца.

Я сидел на кухне, смотрел на ноутбук и чувствовал, как меня накрывает холод. Вспомнил каждую свою каждую тренировку в лесу, каждый раз, когда я выдыхал и мир замедлялся. Думал, что это я создаю разломы. Но теперь они появлялись по всему миру. Там, где я никогда не был.

Значит, я был не единственным.

— Их много, — сказал я вслух. — Таких, как я.

И в тот момент я понял, что моя способность — не аномалия. Это симптом. Болезнь реальности, которая началась не со мной. Я просто один из тех, кто её чувствует.

ГЛАВА 9

ПЕРВЫЙ РАЗЛОМ

Это случилось в конце сентября. Я шёл через лес, который знал с детства, — тот самый, где мы с пацанами строили шалаши и жгли костры. Я возвращался от бабушки, нёс банку варенья и думал о том, что завтра в школу, а я не сделал домашку по литературе. Всё было обычно. До того момента, как я увидел свечение.

Оно было между двумя старыми соснами. Не яркое, не пугающее — мягкое, молочное, как свет от старого фонаря, который только проснулся.

Я остановился, прищурился. Сначала подумал, что это солнце отражается от луж, но луж не было. Потом — что это какой-то гриб или гнилушка светится, но оттуда шёл не запах сырости, а... странная тишина. Не как в лесу, а как будто весь мир притих и ждал.

Поставил банку на пенёк, подошёл ближе. Свечение было похоже на занавес, который колыхался без ветра. Протянул руку — и она прошла сквозь. Я отдёрнул её, как будто обжёгся. Ничего не произошло. Ни боли, ни холода. Просто... рука оказалась по ту сторону.

Я замер. Сердце колотилось где-то в горле.

— Это трындец, — сказал я вслух. — Это просто трындец.

Я хотел уйти. Я правда хотел развернуться и забыть об этом, как о глупой галлюцинации. Но что-то внутри меня — не разум, а животное, первобытное любопытство — толкнуло меня вперёд. Я шагнул сквозь занавес.

Я не знаю, что я ожидал увидеть. Может, пустоту. Может, ад. Может, просто другой лес. Но я оказался в месте, которое было похоже на мой лес, но одновременно совершенно другим.

Небо здесь было не серым, а глубоким фиолетовым, с двумя солнцами — одно большое, другое маленькое, как будто кто-то нарисовал их акварелью. Трава под ногами была серебристой и переливалась, когда я наступал. Деревья были выше, чем в нашем мире, с гладкой корой, которая светилась изнутри, как будто внутри них текло молоко.

Воздух был гуще. Каждый вдох чувствовался как глоток воды — он заполнял лёгкие до краёв, и я чувствовал, как становлюсь легче, как будто моё тело перестало весить. Я зажмурился, открыл глаза — ничего не изменилось. Я был там. Реально.

Я сделал несколько шагов. Тишина, которая была здесь, не давила — она обнимала. Как будто лес знал, что я здесь, и он не боялся меня. Я услышал шорох и обернулся. Из кустов, которые были похожи на папоротник, но с синими прожилками, вылезло существо.

Оно было маленьким, размером с котёнка, с большими

круглыми глазами, которые смотрели на меня без страха. Его тело было покрыто короткой шерстью, которая переливалась, как трава под ногами. Оно посмотрело на меня, моргнуло, чихнуло и ушло обратно в кусты.

Я стоял и смотрел ему вслед, не дыша.

— Ты меня не боишься? — спросил я, хотя знал, что оно не ответит.

Оно не ответило. Но я понял, что в этом мире не всё — враг. Здесь тоже есть жизнь. И она не хотела меня убивать. Это было странное, тёплое чувство, которое я не мог объяснить.

Я пошёл дальше.

Я попробовал замедлить время — и понял, что это не работает

Я решил проверить, работает ли моя способность внутри разлома. Я закрыл глаза, выдохнул, как делал это сотни раз в нашем мире, и мысленно нажал на тормоз.

И ничего не произошло.

Я открыл глаза. Всё двигалось как обычно — трава переливалась, свет от двух солнц падал на листья, ветер (если это можно было назвать ветром) едва шевелил серебристые стебли. Я попробовал снова — глубже, сильнее, сжав кулаки. И почувствовал, как что-то внутри меня напряглось, как будто я пытался сдвинуть стену.

Время замедлилось. Буквально на пару секунд. Я увидел, как капли воды в ручье застыли на полпути, как лист на де-

реве остановился в движении. Но это длилось всего несколько секунд, не больше четырех. А потом я почувствовал, как меня резко отпустило, и я едва удержался на ногах. Голова закружилась, в глазах потемнело, и я понял: я потратил на это почти четверть своих сил. Я был вымотан, как будто пробежал километр с полной выкладкой.

Я прислонился к дереву, тяжело дыша, и понял: внутри разлома моя способность — не панацея. Она лишь замедляет время на пять секунд, и это отнимает у меня кучу энергии. Здесь я не могу просто "вырубить" мир. Я могу лишь выиграть себе короткую передышку, и за это придётся заплатить.

Я сел на траву, отдышался и решил: пока я не пойму, что здесь происходит, я не буду использовать способность в разломах. Только если совсем припрёт. Потому что если я использую её и ослабну, а рядом появится что-то опасное — я просто не смогу убежать.

Через несколько метров я заметил растения, которые выделялись среди других. Их листья были ярко-синими, с серебристыми прожилками, и пахли они так, как будто кто-то смешал мяту, мёд и что-то ещё, чего я не мог определить. Я сорвал один лист, размял его в пальцах — и почувствовал, как боль в плече, которую я занёс ещё вчера, когда неудачно упал с велосипеда, начала утихать. Не полностью, но заметно. Я посмотрел на лист и понял: это не просто трава. Это лекарство.

Я начал собирать их. Осторожно, по одному, складывая в

карманы куртки. Я не знал, сколько они пролежат, но я знал, что они мне пригодятся.

Рядом с растениями я нашёл ручей. Вода в нём была прозрачной, но на дне блестели камни, которые светились изнутри — тусклым, тёплым светом. Я нагнулся, поднял один. Он был лёгким, почти невесомым, но тёплым. Я сжал его в ладони, и мне показалось, что я держу не камень, а кусочек солнца.

Я собрал несколько таких камней. Они были разного размера, но все — одинаково светящиеся и тёплые. Я не знал, что с ними делать, но я чувствовал — они важны.

Я прошёл ещё немного, но через сотню метров упёрся в невидимую стену. Не больно, но ощутимо — как будто меня мягко, но настойчиво остановили. Я попытался пройти сквозь — не получилось. Я понял: этот разлом имеет границы. Я не могу выйти за них. И как только я понял это, я почувствовал, что внутри меня сжимается — как будто воздух стал плотнее. Это было ощущение, которое я знал. Я возвращался.

Я зажмурился — и очнулся у тех же двух сосен, с карманами, полными синих листьев и светящихся камней, и с банкой варенья, стоящей на пне.

Я посмотрел на руки. Листья были в моих руках. Камни — в карманах. Я был там. Это было реально.

Когда я вернулся домой, я не мог усидеть на месте. Мне нужно было понять, что это было. Я разложил листья на сто-

ле, камни — на подоконнике, и смотрел на них, как на инопланетные артефакты. Они не исчезали, не тускнели. Они были реальными.

Я начал экспериментировать. Один лист я размял и приложил к царапине на руке — боль ушла через несколько секунд. Я приложил другой к старой мозоли, которая болела уже неделю — она перестала болеть через минуту. Я понял: синие листья заживляют. Лечат. Успокаивают. Я не знал, как это работает, но я знал, что это работает.

С камнями я не знал, что делать. Я просто носил один из них в кармане. Он был тёплым и почему-то придавал уверенности, как будто у меня в кармане лежал кусочек того мира, где я был спокоен.

На следующий день я снова пошёл в лес. Мне нужно было проверить, есть ли тот разлом ещё. Я нашёл то место — между двух сосен. Но там ничего не было. Только обычный лес, обычные сосны, обычная трава. Я обошёл всё вокруг, искал хоть какое-то свечение — ничего. Разлом исчез.

Я сел на пенёк и задумался. Он был. А теперь его нет. Значит, они не вечны. Значит, они появляются и исчезают. И если я хочу понять их природу, я должен следить за ними.

Я начал записывать всё, что видел. Дату, место, цвет свечения, что я там нашёл, сколько времени я там провёл. В тот момент я не знал, что это станет моей привычкой на годы. Но я знал, что если я не буду ничего записывать, я забуду. А забывать нельзя.

Через неделю я снова пошёл в тот лес. Не потому что я был уверен, что разлом вернётся — мне просто нужно было проверить. Может, он открывается по расписанию.

Но когда я пришёл на место, я увидел не свечение, а... следы. На земле были глубокие борозды, как будто кто-то или что-то тянуло кого-то по земле. Трава была примята, и в центре поляны лежал сломанный телефон. Я поднял его — он был холодный и разряженный.

Я понял, что разлом вернулся. И он закрылся сам. Но перед этим он кого-то забрал.

Я стоял с телефоном в руках и не знал, что делать. Может, человек просто потерял его. А может, его утащили туда, откуда не возвращаются. Я не знал. Но я чувствовал, что я мог что-то сделать, если бы пришёл на день раньше. Или если бы знал, как закрыть разлом.

ГЛАВА 10

НОВОСТИ, КОТОРЫЕ ПЕРЕВЕРНУЛИ ВСЁ

Я вернулся домой, сам не свой.

Скинул куртку в коридоре, зашёл в комнату, сел на диван и уставился в одну точку. В кармане лежали синие листья и светящийся камень. Я достал их, положил на стол, посмотрел на них, и мне стало не по себе. Они были реальными. Я был внутри того места. Я дышал тем воздухом. Я видел ту траву, те деревья, то маленькое существо, которое чихнуло на меня и ушло.

Но потом я вспомнил о телефоне, который нашёл на поляне. О следах, которые вели в пустоту. О том, что разлом закрылся сам, но перед этим кого-то забрал. Я не знал, что случилось с тем человеком. Может, он просто потерял телефон. А может, его утащили туда, откуда не возвращаются.

Я взял пульт, включил телевизор, просто чтобы заполнить тишину. Я не ожидал увидеть то, что увидел.

На экране была экстренная новостная вставка. Дикторша с серьёзным лицом говорила о «странных аномалиях, которые появляются по всему миру». Я сел прямо, уставился в

экран и не мог отвести глаз.

— В последние недели по всему миру фиксируются странные свечения, которые учёные пока не могут объяснить, — говорила она. — Граждан просят не приближаться к этим зонам, не входить в них и сообщать о любых подобных явлениях в специальные службы.

Я схватил пульт и прибавил звук.

— На данный момент выделено два типа аномалий, — продолжила она. — Первый тип — белые свечения. Они считаются наименее опасными, но не исключено, что и они могут представлять угрозу. Второй тип — жёлтые. Сообщается, что внутри них были замечены агрессивные существа, которые могут нанести серьёзный вред человеку.

Моё сердце колотилось где-то в горле. Я вспомнил то существо в белом разломе — оно было безобидным. Я не видел жёлтого. Но я уже знал, что он существует.

— Также по неподтверждённым данным, — продолжала дикторша, — существуют красные свечения. Они считаются самыми опасными. Власти не рекомендуют приближаться к ним даже вооружённым группам.

Я сглотнул. Красный разлом. Я не видел его, но я уже боялся его.

На экране сменилась картинка — кадры из какой-то лаборатории. Учёные в белых халатах рассматривали образцы растений, которые были похожи на те, что я принёс. Я узнал их. Синие листья. Те самые.

— Внутри белых свечений были найдены уникальные растения и минералы, — говорила дикторша. — Они обладают свойствами, которые не встречаются в нашем мире. Первые экспедиции уже приступили к их изучению.

Я сидел и смотрел, как мир узнаёт о том, что я уже видел. И мне стало одновременно страшно и обидно. Потому что я был там первым. Я нёс это в карманах. А теперь они говорят об этом по телевизору, как о новом явлении, которое надо изучать.

— Есть информация, что некоторые люди, проникшие в эти аномалии, выходят оттуда с новыми способностями, — сказала дикторша. — Их называют охотниками. Они утверждают, что могут закрывать эти свечения, не давая им расширяться. По предварительным данным, внутри аномалий существуют так называемые «боссы» — крупные существа, которые управляют этими зонами. Для их уничтожения требуются группы из нескольких человек.

Я замер. Боссы. Группы. Охотники?!!

Значит, я не один. Кто-то ещё входит в разломы, сражается с монстрами, закрывает их. И они называют это охотой.

Я смотрел на экран, и внутри меня росло странное чувство. Не страх. Не гордость. А что-то среднее. Я уже был охотником. Я просто не знал, что меня так называют.

— В связи с участвовавшими случаями появления аномалий, — закончила дикторша, — правительство формирует отряды добровольцев для исследования и зачистки этих зон.

Обращаться в местные центры управления. Граждан просят не приближаться к аномалиям без подготовки. Это опасно для жизни.

Я выключил телевизор. В комнате стало тихо.

Я сидел на диване, смотрел на синие листья на столе, и думал о том, что мир только что узнал о разломах. Что теперь они есть у всех. И что те, кто входит в них и выходит обратно, становятся другими. Охотниками.

Я не знал, охотник ли я. Я не убил ни одного монстра, кроме того, что замер в разломе. Но я был там. Я дышал тем воздухом. Я нёс ту траву в карманах. Значит, я уже был частью этого мира. И обратного пути не было.

ГЛАВА 11

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ

Я сидел за партой, смотрел на доску, и не понимал нифига. Математика. Что-то там про производные или интегралы, я уже не помнил. Какая-то хрень, которая нужна только для того, чтобы сдать экзамены и забыть. В девятом классе я ещё пытался вникать. В десятом — перестал. В одиннадцатом я просто сидел и смотрел в окно, иногда кивая головой, чтобы училка не вызвала меня к доске. У меня не было сил на эту херню. Потому что моя жизнь разделилась на две части: школа, где я — просто парень с плохими оценками, и внешний мир, который изменился до неузнаваемости.

За три месяца разломы стали частью жизни. О них говорили по новостям, в интернете, на улицах, в школах. Белые, жёлтые, красные — цвета, которые теперь знал каждый. Люди начали привыкать к ним, как привыкают к плохой погоде или новостям о войне. Это стало «новой реальностью». Кто-то боялся, кто-то шутил, кто-то пытался заработать на этом.

И, конечно, начали появляться гильдии.

По телевизору теперь часто показывали репортажи о том, как частные предприятия по охоте на монстров вербуют людей. Они назывались гильдиями, но по сути это были воору-

жённные отряды, которые зачищали разломы. Белые проходили легко, почти без потерь. Жёлтые — сложнее, с ранениями. Красные — почти всегда со смертями.

Но люди всё равно шли. Потому что это давало деньги, славу, а главное — ощущение, что ты не просто ждёшь, пока мир схлопнется, а делаешь что-то. Многие шли просто от отчаяния. Работы не было. Надежды — тоже. А в гильдиях платили хорошо. И учили сражаться.

Я не хотел идти в гильдии. Пока. Потому что я уже был охотником. Просто без вывески.

Я отвлёкся от доски, когда услышал голоса за своей спиной. Те самые парни. Те, которые хотели начистить мне рожу после экзаменов. Да, они всё ещё учились со мной. Мы не общались, не пересекались, но они сидели на задней парте, и я слышал каждый их разговор.

Они обсуждали разломы. Громко. Самоуверенно. Как будто они уже были ветеранами.

— Я слышал, в «Северный клык» берут только с опытом, — говорил один из них, тот, что с цепью на шее. — А в «Чёрную стаю» можно даже без опыта, но там платят меньше.

— Да фигня, — отвечал второй, толстый, который заносил надо мной кулак. — Главное, что попасть можно. А там уже прорвёмся. Нам этих монстров только покажи — мы их, блин, на раз-два.

Я сжал ручку в руке. Мне хотелось повернуться и сказать: «Вы даже не представляете, что там внутри. Вы не видели

их глаза. Вы не чувствовали, как они впиваются в плечо. Вы не выдыхали, чтобы замедлить время на пять секунд, и не падали потом от усталости, зная, что если бы не сработало — вы были бы мертвы». Но я промолчал.

— А красные разломы, слышали? — продолжал первый.
— Там вообще боссы. Говорят, группа нужна, человек десять. И то не каждый выходит.

— Да ху**я всё, — отмахнулся толстый. — Мы справимся. Мы, блин, подготовимся. У меня брат в «Клыке» уже полгода, он говорит, если нормально экипироваться, то можно даже на красный ходить.

Я усмехнулся про себя. Экипироваться. Они не знали, что даже самая крутая броня не спасёт, если у тебя нет капли духа. И что внутри разлома твоя способность — это не суперсила, а просто пять секунд передышки. И что если ты используешь её, ты становишься слабым, как щенок.

Но я не сказал им. Ни слова. Потому что они не поймут. Они думают, что разломы — это новая работа, а монстры — просто звери. Они не знают, что за белым разломом может скрываться жёлтый, а за жёлтым — красный, который сожрёт тебя и твою экипировку, даже не поморщившись.

Я вышел из школы, накинул рюкзак на плечо и пошёл через парк, как обычно. Я слышал, как за моей спиной те парни всё ещё обсуждали гильдии, смеялись, спорили. Они шли в другую сторону. Может, в «Северный клык». Может, в «Чёрную стаю». Я не знал. Я просто радовался, что мне не нужно

идти с ними. Мне не нужно проходить собеседование, чтобы стать охотником. Я уже был им.

И я знал, что они никогда не поймут этого.

Но в тот день, идя по парку, я подумал: «А что, если красный разлом откроется в нашем городе? Что, если там будет босс, который сожрёт всё на своём пути? Кто будет его закрывать?» Я не знал ответа.

ГЛАВА 12

БАБУШКА, ЛАВОЧКА И РАЗГОВОРЫ О БУДУЩЕМ

Я вышел из школы, накинул рюкзак на плечо и пошёл домой. В голове всё ещё крутились голоса тех парней с задней парты, их разговоры о гильдиях, о монстрах, о том, как они «на раз-два» закроют любой разлом. Я усмехнулся, тряхнул головой, пытаюсь выкинуть этот бред из головы, и почти сразу же наткнулся взглядом на нашу лавочку у подъезда.

Там сидела бабушка. С подругами. Три старушки в платочках, с палочками и авоськами, обсуждали очередной конец света, который свалился на наши головы.

— И вот я говорю, — вещала соседка тётя Зина, размахивая руками, — эти разломы, они же от сатаны! Не иначе! Господь наказывает нас за грехи!

— Да какой сатана, Зин, — перебила её другая, тётя Люба. — По телевизору сказали — это природное явление. Как гроза. Просто новое.

— Гроза?! — возмутилась тётя Зина. — Ты видела грозу, чтобы она людей забирала? Ты видела, чтобы из грозы монстры лезли? Это не гроза, это...

— Бабуль, — сказал я, подходя к лавочке, и пригнулся, чтобы чмокнуть её в щёку.

Она тут же переключилась на меня. Улыбнулась, погладила по голове, как в детстве.

— Артурка! Ну наконец-то! А мы тут сидим, обсуждаем дела страшные. Ты как? Голодный небось? Я пирожков напекла, тесто ставила с утра, и с мясом, и с капустой, я знаю, ты любишь...

— Бабуль, я только из школы, — улыбнулся я, но она уже тащила меня за руку к лавочке.

— Поздоровайся с тётей Зиной, с тётей Любой. Зина, Люба, это мой внук, Артур. Помните?

Они закивали, заулыбались, и я понял, что сейчас начнётся.

— Ой, какой большой вырос! — протянула тётя Зина, оглядывая меня с ног до головы. — И сильный! Вон, плечи какие! А раньше худенький был, как щепка.

— Наверное, в охотники пойдёшь? — подхватила тётя Люба. — Такие сейчас нужны, сильные, молодые. Эти разломы, они же сами не закроются. Мой внук, вот, тоже в гильдию записался, слышала, там деньги хорошие платят...

— Он у меня сильный, — сказала бабушка, и в её голосе послышалась гордость, смешанная с чем-то ещё — может быть, тревогой. — Артур у меня молодец. Учится хорошо. Вот станет банкиром или юристом, как родители, будет деньги считать, а не по этим разломам бегать.

Тётя Зина хотела что-то возразить, но бабушка не дала ей договорить.

— Всё, хорош расслаживаться, — сказала она, строго взглянув на меня. — Иди домой. Стол накрыт, я уж зажда-лась, а ты всё ходишь, бродишь. Артур, живо в дом!

Я улыбнулся, кивнул подругам и пошёл в подъезд. Сзади ещё долго слышалось:

— Ой, какой заботливый внук, и поцеловал её, и поздоровался...

— Да какой внук, золото, а не внук...

Я поднялся на наш этаж, открыл дверь, скинул обувь и зашёл на кухню. Пахло пирожками, картошкой, свежим чаем. Стол был накрыт — суп, второе, компот. Всё, как я люблю. Я сел, налил себе супа, и в голове снова прокрутились слова бабушки: «станешь банкиром или юристом, как родители». Я усмехнулся. Смешно, блин. Мои родители... они, наверное, даже не знают, что я уже охотник. Что я ношу в кармане камень из другого мира. Что я видел то, что обычные люди не видят даже в самых страшных снах. Они шлют подарки на день рождения и деньги на карту, и им этого достаточно. Они даже не спросили меня ни разу, что я чувствую после того, как мир изменился. Им просто было плевать. И я привык. К этому нельзя привыкнуть, но я привык.

Я поел, вымыл тарелку, вытер руки и зашёл в свою комнату. Сел на кровать, потянулся в карман и достал тот самый камень — светящийся, тёплый, который принёс из белого

разлома. Он ещё светился, едва заметно, как живой. Я крутил его в руках, рассматривал, как он переливается в тусклом свете комнаты, и вдруг услышал шаги за дверью. Быстрые, уверенные. Я сунул камень в карман, завалил его подушкой и крикнул:

— Входи! — как можно спокойнее.

Дверь открылась, и в комнату вошла бабушка. Она села на край кровати, посмотрела на меня тем самым взглядом, который я знал с детства — когда она хотела поговорить о чём-то серьёзном.

— Артур, — сказала она тихо. — Ты уже почти взрослый. Школу заканчиваешь. Что ты думаешь делать после?

Я пожал плечами.

— Пока не знаю, — сказал я, стараясь говорить ровно. — Думаю.

Она вздохнула, погладила край одеяла и продолжила:

— Ты знаешь, я люблю тебя больше всех на свете. Ты — моя жизнь. Я не хочу, чтобы ты лез в эти разломы. Я не хочу, чтобы ты становился охотником. Ты слышишь меня? Там люди умирают. Пропадают. Их забирают эти твари. Я не хочу потерять тебя.

Я хотел сказать что-то. Что это не выбирают. Что я уже внутри. Что я уже закрыл разлом, просто она не знает об этом. Но я не мог. Она бы не поняла. Или поняла бы, и тогда ей было бы только больнее.

— Бабуль, — сказал я мягко. — Я ещё не решил. Ничего

не решено. Я просто учусь. Живу. Всё нормально.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, и в её глазах блеснула слеза. Но она не заплакала. Она только сказала:

— Твои родители... они не звонят. Они не приезжают. Они даже не знают, как ты живёшь. Но я знаю. Я вижу тебя каждый день. Ты для меня — всё. И если с тобой что-то случится... я не переживу.

Я наклонился, обнял её, почувствовал запах её духов, теплоту её рук, её дрожащие плечи. Она была такая маленькая, такая хрупкая.

— Бабуль, — прошептал я. — Всё будет хорошо. Я не пропаду. Я буду осторожен.

Она отстранилась, посмотрела на меня и сказала:

— Смотри у меня. Не лезь в эти разломы. Обещай мне.

Я помолчал. Я не мог соврать ей. Потому что я уже был внутри. И я знал, что не могу остановиться. Но я сказал:

— Обещаю.

Она улыбнулась, поцеловала меня в лоб и вышла из комнаты.

Я остался один. Достал камень из кармана, посмотрел на него, и подумал: «Ты не знаешь, бабуль. Ты даже не представляешь. Но я не могу тебе сказать. Потому что если я скажу, я сделаю тебе больно. Я лучше буду молчать. И буду защищать тебя. Даже если ты никогда не узнаешь.»

ГЛАВА 13

ТАНТО – КЛИНОК, КОТОРЫЙ ВЫБРАЛ МЕНЯ

Выходные наступили как глоток свежего воздуха. Школа, уроки, разговоры о гильдиях – всё это осталось позади, хотя бы на два дня. Я встал поздно, съел остывшие пирожки с чаем и собрался уходить.

— Ты куда, Артур? – спросила бабушка из кухни, выглядывая в коридор.

— Прогуляюсь, – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – К друзьям зайду. Посмотрим, как у них дела.

Она смотрела на меня с той смесью тревоги и любви, которую я видел в её глазах каждый день.

— Не ходи к разломам, Артур. Ты обещал мне.

Я замер на секунду. Обещал. я обещал ей, что не буду лезть в разломы. А сам сидел и думал, что я уже в них. И я знал, что остановиться не могу. Но я посмотрел на неё, улыбнулся и сказал:

— Я просто к друзьям, бабуль. Не волнуйся.

Она кивнула, и я вышел за дверь, чувствуя, как груз её взгляда остаётся на моей спине. Этот груз был тяжелее лю-

бого камня из разлома. Но я не мог вернуться. Потому что мир уже не был прежним. И я не мог притворяться, что я – просто школьник, у которого есть выбор.

Я пошёл в центр города, туда, где за последние два месяца начали открываться мастерские. Мастерские по обработке разломной руды. Мастерские по ковке оружия. Мастерские, о которых два месяца назад никто бы и не подумал. Я шёл и смотрел на вывески: «Кузница Севера», «Сталь из разломов», «Клинки Белого света». И наконец я остановился у одной – старой, с обшарпанной дверью и покосившейся вывеской «Мастерская деда Макара». Пахло металлом и чем-то странным, как будто горячим ветром из другого мира.

Я толкнул дверь и зашёл.

Внутри было полутемно, пахло маслом, железом и ещё чем-то – тем самым, тёплым и чистым воздухом, которым я дышал в белом разломе. Я огляделся. Стойки с оружием, доспехами, странными приспособлениями – всё это было сделано из руды, которую люди доставали из разломов. Камни с металлическим блеском, сияющие прожилки, едва заметное свечение, которое я уже узнал. На стенах висели мечи, клинки, кинжалы, двуручники – такие, как в фильмах про самураев и аниме, которые я смотрел в детстве. Я подошёл к одной из стоек и увидел ценник.

Я сглотнул. 200 тысяч. 500 тысяч. Миллион. Я провёл рукой по кошельку, где лежали деньги, которые родители перевели мне в начале месяца. Десять тысяч. Ровно столько,

сколько нужно, чтобы прожить до следующей подачки. Двадцать дней на эти деньги. Я знал, что не могу их тратить. Но я всё равно смотрел, смотрел на эти клинки, на доспехи, и чувствовал, как внутри меня разгорается что-то новое.

— И дороже тоже есть, — раздался скрипучий голос из-за прилавка.

Я поднял глаза. Там сидел старик. Сухой, с седой щетиной, с руками, покрытыми шрамами и мозолями. В руках он держал нож — обычный, на вид, но лезвие отдавало тусклым жёлтым светом, как будто внутри него горел маленький огонь. Он смотрел на меня с усмешкой, но без злобы. Как будто знал, кто я.

— Что, парень, глаза разбегаются? — спросил он, продолжая точить нож. — Давай, смотри, не стесняйся. Не воровать же пришёл, а?

— Нет, — ответил я быстро. И почувствовал, как в груди что-то сжалось. Потому что он угадал. Чёрт, он угадал.

Я продолжал смотреть на стойки, но вдруг мой взгляд упал вниз. Под прилавком, в ящике, где лежало то, что не продали, наверное, то, что считали браком, я увидел кучу клинков. Кривые, сломанные, странные. Они не светились, как те, что висели на стенах. Они просто лежали, как хлам.

Но один из них привлёк моё внимание.

Он не был похож на другие. Короткий клинок, чуть больше кинжала, с изогнутым лезвием, которое тускло светилось фиолетовым. Как будто внутри него горело пламя, но не жар-

кое, а холодное. Я смотрел на него, и мне казалось, что он тоже смотрит на меня. Я наклонился, взял его в руки. Он был тёплым. Легким. И когда я сжал рукоятку, я почувствовал, как ветерок прошёл по моим волосам, хотя в мастерской не было открытых окон. Это было странное ощущение — будто клинок лёг в мою ладонь не сегодня, а всю жизнь. Будто он ждал меня.

Я очнулся от ощущения, что кто-то смотрит на меня. Я поднял голову. Старик стоял, прислонившись к прилавку, и смотрел на меня с тем же выражением — полуусмешка, полублюбопытство.

— Ну что, парень, приглянулось что-то? — спросил он.

— Этот, — сказал я, поднимая клинок. — Сколько?

Он взял его у меня из рук, повертел в своих мозолистых ладонях, как будто взвешивал, и бросил обратно в ящик.

— А это брак. Хлам. Из разлома приволокли, думали, что-то в нём есть, а ничего. Фиолетовое свечение — это не магия, парень. Это примесь. Токсичная хуйня. Опасная, если вскрыть. Но тебе такое не надо, ты вообще оружие не держал, по глазам видно. Иди отсюда, пока не поранился.

Я смотрел на клинок. На его фиолетовое свечение. И я знал, что он врёт. Или не договаривает. Но клинок был мой. Я чувствовал это.

— Сколько, — повторил я уже жёстче.

Старик посмотрел на меня, прищурился и усмехнулся.

— Десять тысяч, — сказал он. — Если хочешь. Но я тебя

предупредил. Это хлам.

Я смотрел на него, и внутри меня всё сжалось. Десять тысяч. Все мои деньги. Те, на которые я должен жить двадцать дней. Я представил, как я возвращаюсь домой, открываю холодильник, и там — почти пусто. Как я прошу бабушку добавить мне на обед, и она даёт, хотя у самой копейки. Я представил, как я сижу на школьной перемене, жую хлеб, который взял из дома, а рядом пацаны едят свои пиццы и бургеры. Я представил, как двадцать дней я не могу купить даже газировку. И всё это — за один клинок.

Но я не мог оставить его здесь. Не мог. Я чувствовал это каждой клеткой.

— Я беру, — сказал я, и голос мой прозвучал твёрже, чем я ожидал.

Я достал телефон, открыл приложение банка и перевёл деду Макару десять тысяч. У меня на счету осталось триста рублей. На двадцать дней.

Старик посмотрел на меня с удивлением, потом с уважением.

— Ну, парень, ты либо сумасшедший, либо знаешь что-то, чего не знаю я. — Он взял клинок, и вдруг его лицо стало серьёзным. — Но раз ты всё равно его купил, скажу тебе правду. Это оружие называется танто. В старые времена, когда разломов ещё не было, это был просто японский кинжал. Но этот — не обычный. Его нашли в жёлтом разломе, в глубине, у самого босса. Тот, кто вынес его, погиб через неделю.

Не от ран — от того, что клинок его сожрал. Понимаешь, парень, это не просто сталь. Это руда, пропитанная временем. Фиолетовое свечение — это отголосок того мира. Ты будешь чувствовать его, как живое существо. Если ты слаб, он выпьет тебя. Если ты силён — он станет твоей тенью. И не пытайся пересилить его — он не прощает.

Я смотрел на танто в своих руках, и внутри меня всё холодело.

— Почему ты продал его мне, если он опасен? — спросил я.

Он усмехнулся, но в глазах его мелькнула тень.

— Потому что я вижу в тебе то, что не вижу в других, парень. Ты пахнешь белым светом. И ты не сломался. Может быть, этот клинок ждал тебя. Но запомни: если он начнёт забирать твои силы — выбрось его. Не жалея. Твоя жизнь дороже.

— Как я пойму, что он забирает силы?

— Ты поймёшь, — сказал дед и отвернулся к прилавку. — Ты почувствуешь, как тебя высасывают изнутри. Как будто ты бежишь марафон, а не стоишь на месте. Тогда — бросай.

Я кивнул, сжал рукоять танто, и снова почувствовал этот ветерок, прошедший по моим волосам. Я развернулся и вышел из мастерской, сжимая в рюкзаке своё первое настоящее оружие. На улице было солнечно, но я шёл, не чувствуя тепла. В моих руках был танто, который стоил мне целого месяца. И в моей голове была только одна мысль: «Как я выживу»

двадцать дней на триста рублей?»»

Я знал ответ. Я просто сяду на хлеб и воду. Потому что это того стоило. Потому что теперь у меня было оружие, которое могло спасти мне жизнь. Или убить меня. Но я был готов рискнуть.

ГЛАВА 14

ГИЛЬДИЯ

Я вернулся домой, когда уже стемнело. Бабушка спала, свет в коридоре был погашен, и я прошёл на цыпочках в свою комнату, стараясь не скрипнуть ни одной половицей. Закрыв дверь, положил рюкзак на стул, достал танто, завернутый в старую футболку, и сел на кровать.

Я ждал этого момента. Всю дорогу от мастерской я чувствовал, как клинок вибрирует в рюкзаке, будто он был живым. Теперь я взял его в руки, и он снова стал тёплым, и фиолетовое свечение затанцевало на стенах. Я вспомнил слова деда: «Если ты слаб — он выпьет тебя. Если силён — станет твоей тенью». Я должен был проверить, что я — силён.

Я встал, замер посреди комнаты, закрыл глаза, сделал глубокий вдох и выдохнул, пытаясь замедлить время, как привык это делать. Но ничего не произошло. Я попробовал ещё раз — мир качнулся, но не замер. Вместо привычной полного замедления я почувствовал, как воздух стал менее густым. Как мёд, который медленно стекает с ложки в чашку — тягуче, тяжело, неторопливо. Время не замедлилось настолько как раньше, оно едва затормозилось. Я мог двигаться чуть быстрее, видеть чуть больше, но это длилось всего несколько

секунд. Я считал про себя: один, два, три, я выдохнул, и мир вернулся в обычный ритм.

Я открыл глаза и понял, что я больше не тот всесильный парень, который мог замедлять время на 5 секунд. Теперь я могу его замедлить лишь на 3 секунды. И это давалось мне с трудом. Я почувствовал усталость, как будто пробежал километр. Я сел на кровать, уставился на танто, который слабо светился в темноте, и подумал: «Это из-за тебя? Или из-за того, что я изменился?» Может быть, мир адаптировался к моей способности. Может быть, я стал слабее. А может быть, я просто вырос, и всё теперь иначе. Но я знал одно: это не остановит меня. Я должен идти дальше.

Я отложил танто в сторону, лёг на кровать и закрыл глаза. Завтра — первый шаг в гильдию.

Утро воскресенья встретило меня серым небом и тишиной. Бабушка ещё спала, и я, не завтракая, быстро оделся, сунул танто в рюкзак, замотал его в ту же футболку, чтобы не привлекать внимания, и выбежал из дома. На улице было свежо, в воздухе пахло дождём и чем-то новым, как будто мир готовился к чему-то важному. Я шёл быстрым и уверенным шагом в сторону главной площади города, где, как я знал, располагались гильдии. Я слышал о них столько раз, но никогда не был там. До сегодняшнего дня.

Я вышел на площадь, и передо мной развернулась картина, от которой у меня перехватило дыхание. Стройные ряды зданий, вывески, названия гильдий, которые я слышал в

школе. «Северный клык», «Чёрная стая», «Клинок Белого света». Я смотрел на них, но не останавливался. Мне нужно было найти что-то другое. Что-то, что казалось правильным. Я прошёл мимо них, почти не раздумывая, и вышел на окраину центра. И увидел его.

Двухэтажное здание из серого камня, без вычурных вывесок, с простой табличкой у входа: «**Гильдия охотников**». Я остановился, посмотрел на него, и что-то внутри меня подсказало — это то место. Я открыл дверь и вошёл внутрь.

Внутри былолюдно, шумно и пахло оружейной смазкой, потом и чем-то ещё — тем самым, тёплым и чистым, что я чувствовал в разломах. Десятки людей, мужчин и женщин, сидели за столами, обсуждали рейды, спорили, смеялись. На стенах висели карты с отметками разломов, и я заметил, что белые отмечены зелёным, жёлтые — оранжевым, а красные — красным.

Когда я вошёл, несколько человек подняли головы и посмотрели на меня. Но через секунду они уже отвернулись, как будто я был просто ещё одним искателем приключений, который не знает, куда лезет. Я чувствовал их взгляды, но я не сбавлял шага. Я подошёл к стойке регистрации, за которой стояла девушка с веснушками на лице и волосами цвета ночного неба. Она что-то писала в журнале и, когда я подошёл, подняла на меня карие глаза.

— Здравствуйте, — сказал я, стараясь говорить уверенно. — У вас сейчас идёт набор в гильдию?

Она улыбнулась, но не отрываясь от бумаг, ответила:

— Да, конечно. Но тебе должно быть семнадцать лет и иметь опыт хотя бы в белом разломе. Если хочешь получить ранг Е, тебе нужно пройти небольшой экзамен на плацу, чтобы мы оценили твои силы. Иначе я не могу тебя зарегистрировать.

Я стоял и смотрел на неё, понимая, что у меня нет выбора. У меня не было опыта в белом разломе, но я был внутри него. И я закрыл его. Я знал, что могу это сделать. Я просто должен был доказать это.

— Хорошо, — сказал я. — Я готов.

Девушка кивнула, закрыла журнал, вышла из-за стойки и повела меня через здание на задний двор. Мы прошли мимо шумного зала, мимо столов, мимо людей, которые всё так же обсуждали свои дела, и вышли на открытый плац. Там уже стояло около десятка человек. Кто-то тренировался, кто-то разминался, а несколько человек стояли в очереди — видимо, такие же новички, как я.

Девушка подошла к высокому мужчине, который стоял в центре плаца, и что-то шепнула ему. Он был выше меня на голову, хотя я и так был 178 см в свои семнадцать. Широкие плечи, короткая стрижка, шрам на правой щеке, холодный взгляд. Он кивнул ей, и она упорхнула обратно в здание. Я остался стоять, смотря на него, и чувствуя, как у меня внутри всё сжимается.

— Становитесь в очередь, — сказал он, и голос его про-

звучал низко и твёрдо. — Будете сдавать экзамен по одному.

Я стал последним в очереди из пяти новичков. Первый парень вышел на плац, взял деревянный клинок, похожий на тот, что используется в кендо, и встал перед экзаменатором. Он был старше меня, лет двадцати, с уверенным взглядом и расслабленной стойкой.

— Мне начинать? — спросил он.

Экзаменатор кивнул.

Парень резко принял стойку — меч поднят над головой, остриём назад, лезвие вверх. И нанёс удар. Молниеносный. Сверху вниз, так быстро, что я даже не смог проследить за движением. Но мужчина сделал шаг в сторону, словно стоял на месте, легко отвёл клинок своим мечом, а затем просто толкнул парня тыльной стороной ладони. Тот отлетел на добрых пять метров назад, чуть не снеся нас, стоящих в очереди. Он упал на одно колено, и я увидел, как у него дрожат руки.

Экзаменатор посмотрел на него с холодным спокойствием и сказал:

— Ранг Е. Следующий.

Я стоял, раскрыв рот. Чёрт, я вообще что-то умею? Этот парень явно тренировался годами, а его просто... сдули. Я закрыл рот, стараясь не выглядеть слишком растерянным, и понял, что мне придётся выложиться на все сто процентов. Я должен удивить этого мужика. Я должен показать, что я не просто очередной искатель приключений на свою пятую

точку.

Следующие двое вышли — парень и девушка. Оба получили ранг Е. Оба ушли с опущенными головами, как побитые собаки. Я смотрел на них и чувствовал, как внутри меня поднимается волна решимости. Я не хочу быть одним из них. Я не хочу уходить с опущенной головой. Я хочу показать им, что я могу больше.

Настала моя очередь.

Экзаменатор повернулся ко мне, оценивающе осмотрел меня с головы до ног и произнёс:

— Ты. Выходи.

Я сделал шаг вперёд. Взял деревянный клинок из стойки, и вдруг понял, что никогда в жизни не держал оружия, кроме своего танто. Но я не мог показать его здесь. Пока нет. Я должен использовать только свои навыки и свою способность. Я встал в центр плаца, сжимая деревяшку, и посмотрел на экзаменатора. Он стоял расслабленно, но я чувствовал, что он готов к любой моей атаке.

— Начинай, — сказал он.

Я замер. Я знал, что не смогу победить его в прямом бою. Он слишком опытен. Но у меня есть кое-что, чего нет у него. Я закрыл глаза, сделал глубокий вдох и выдохнул. Я не останавливал время — я замедлял его.

Мир превратился в густой мёд. Движения экзаменатора стали медленными, тягучими, как патока. Я видел, как он переносит вес с ноги на ногу, как его рука уже начинает дви-

жение. Я прыгнул вперёд, нанося удар, но он блокировал его, хотя я был уверен, что он не успеет. Я уклонился от его контратаки, но он был слишком быстр даже в моём замедленном мире. Он не пытался ударить меня — он просто ждал, когда я закончу свой выдох. И когда я выдохнул, мир вернулся, и я оказался стоящим в центре плаца, с клинком в руке, тяжело дышащим.

Экзаменатор посмотрел на меня с лёгким удивлением, но ничего не сказал.

— Ты... ты тренировался? — спросил он.

— Немного, — ответил я, стараясь не показывать усталости. — Просто люблю двигаться.

Он усмехнулся. Не с насмешкой, а с одобрением.

— Ты хорошо держишь клинок для новичка. И твои движения... они были необычными. Как будто ты двигался на грани реальности. Но тебе ещё многому нужно учиться. Ты сдал.

Я выдохнул. Внутри меня разливалось тепло, но я знал, что это только начало. Я сдал экзамен на ранг Е. Остальное — впереди.

ГЛАВА 15

КАМЕНЬ ДУХА И ЖЕНЩИНА В ШАТРЕ

Нас построили в шеренгу. Пять человек, которые только что сдали экзамен на ранг Е. Я стоял, стараясь дышать ровно, хотя внутри у меня всё ещё колотилось от того боя на плацу. Справа от меня встал тот самый парень, который мастерски владел кендо — высокий, с острым взглядом и лёгкой ухмылкой на лице. Он чуть наклонился ко мне и шепнул:

— Неплохо ты его, — сказал он, кивая в сторону экзаменатора. — Я думал, он тебя так же размажет, как и остальных. Меня Марк зовут. А тебя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.